

Стойкий лирик

Художнику Виктору Кузину 16 апреля исполнилось 90 лет, а накануне, 15 апреля, в Доме художника открылась его персональная выставка

Юлия Баталина

Вряд ли сам факт открытия такой выставки можно назвать сенсацией: за долгую творческую жизнь у мэтра накопилось много такого, что стоит показать. Достаточно сказать, что в Пермской государственной художественной галерее хранится отменная коллекция кузинских работ, и немалая их часть нашла место в этой экспозиции.

Поражает другое: около десятка работ 2015 года и уже три, датированные 2016-м! При этом в каждой из них виден прежний Кузин — и рука, и глаз ничуть не менее верны художнику, чем в 1970-х, при нём остаётся и «фирменное» кузинское умение видеть поэзию обыденного, и мастерство в создании прозрачных, светящихся пейзажей.

Виктор Кузин — признанный мастер акварели. В нынешней экспозиции, которую он составлял сам, он доказывает, что его работы маслом тоже весьма значительны, и в этом есть своя правда: да, когда он говорит о самом серьёзном — о войне, об искусстве, — он использует масло. Однако именно в акварели он сумел сделать то, что казалось доселе невозможным: наполнить

городской и индустриальный пейзаж поэзией и философией; сделать акварель техникой для создания масштабных, многозначительных, эпохальных произведений.

Считается, что индустриальный пейзаж — это соцреалистический «мутант», созданный для прославления «человека труда» и коммунистических идеалов. У Кузина, работавшего в этом жанре как раз в годы господства коммунистической идеологии, всё не так. Его «КамАЗовская» серия, многие значительные листы из которой можно увидеть в Доме художника, — это чуть ли не предупреждение об угрозе.

Промышленное предприятие в этих листах — живой организм, принципиально бесчеловечный. Гигантские трубопроводы протянулись, как монструозный кишечник, и завод кажется глоткой

планетарного масштаба, готовой заглотить и переварить крохотного мягкого человечка. Но в то же время этот организм прекрасен и величествен, а человек, его создавший, смел и талантлив.

Человека, правда, в пейзажах Кузина нет, а если есть, то, кажется, лишь для того, чтобы продемонстрировать его мизерность в сравнении с промышленными гигантами, и всё же человеческое измерение, присутствие человеческого начала в каждой работе чувствуется.

И не только в индустриальных сериях. Знаменитые северные пейзажи, в том числе великая «Северная цитадель» из коллекции ПГХГ, которую многие считают лучшей работой «классического» Кузина, этим же сильны: человека нет, но есть величественный храм-крепость — образ несгибаемого человеческого духа, его решимости противостоять Северу, холоду, судьбе. Или «Рыбачий сараи» из той же серии: хрупкие деревянные постройки на сваях, крохотные лодочки, такие уязвимые на фоне белёсого северного неба — словно люди, которые не только жить сумели в холодных неприветливых краях, но и нашли здесь красоту, покой и умиротворение.

Каждый пейзаж Виктора Кузина — не просто мастерски запечатлённый фрагмент реальной красоты, но и некая аллегория. Вот «Старый Парковый»: крошечный деревянный домик на фоне новостроек. Абсолютно реальный пейзаж, все мы такие видим в Перми чуть ли не каждый день, а у Кузина это образ уходящей жизни, полный горечи утрат.

Виктор Кузин — человек негромкий, ненавязчивый. Никогда не занимался личным пиаром, никогда не добивался званий и наград. Но всегда умел держать марку! В артистической среде Перми он известен как франт и галантнейший кавалер. Накануне 90-летия он предстал перед толпой поклонников в неизменной бархатной куртке, безупречно причесанный и сияющий улыбкой, но всё же слегка прослезился, и было отчего — такую толпу зрителей пермские вернисажи вряд ли видели. Пришли все! — во главе с первыми лицами города и края. Поздравительные речи никак не кончались, росла куча букетов... Даже боязно было, как всю эту процедуру выдержит престарелый художник. Но он держался стойко.

Фронтовик всё-таки.

ФОТО КОНСТАНТИН ДОЛГАНОВСКИЙ

